

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 2, pp. 281–292, 2023
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(47):(479.25)
DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-281-292

Ориентализм в geopolитических представлениях военных и дипломатических элит Российской империи (на материалах обсуждения «армянского вопроса» в конце XIX – начале XX в.)

Каринэ Размиковна Амбарцумян¹

¹ Северо-Кавказский федеральный университет (1, ул. Пушкина, 355017, Ставрополь, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, доцент

ID 0000-0002-9397-6197. E-mail: karina-best21[at]mail.ru

© КалМНЦ РАН, 2023

© Амбарцумян К. Р., 2023

Аннотация. Введение. Труд Э. Саида «Ориентализм. Западные концепции Востока» ввел в научный и политический оборот категорию «ориентализм». Для наглядной демонстрации особенностей «русского ориентализма» в статье выбран армянский вопрос, который в конце XIX – начале XX в. стал особой частью восточного вопроса. Ослабление Порты, трудное положение армянского населения в Турции и политические брожения среди кавказских армян обусловили пристальное внимание российских военных и дипломатов к состоянию дел, что нашло отражение в их донесениях и переписке. Материалы и методы. Опубликованные источники представлены сообщениями Н. Г. Иванова, А. И. Нелидова, Д. В. Путяты, П. А. Томилова, И. И. Воронцова-Дашкова, Р. И. Термена, архивные документы — донесениями А. И. Нелидова 1882 и 1896 гг., в обоих случаях адресованные В. Н. Ламздорфу. Теоретической основой статьи стали концепции ориентализма, оксидентализма и критической geopolитики, которая выделяет в самостоятельный феномен geopolитические представления элит, называя их «высокой geopolитикой». Результаты. Армянский вопрос стал новой повесткой европейской и российской политики после 1878 г. На изучаемых материалах удалось установить, что «русский ориентализм» в geopolитических представлениях элит имел антизападную направленность. Парадокс заключается в том, что цивилизационно российские имперские элиты в восточных контекстах позиционировали себя как европейцы. Однако в отстаивании национальных интересов их рассуждения принимали антизападное звучание. Оксидентализм предполагает унификацию западного мира, что, например, наблюдалось в донесениях Я. Ф. Лундеквиста и А. И. Нелидова. Особенности выражаемого мнения определялись практическими должностными задачами. Так, наместник на Кавказе И. И. Воронцов-Дашков был скорее носителем «внутреннего ориентализма», предполагавшего покровительственное отношение к кавказским армянам, что отличает отношения центра и колонизированных окраин империи. Заключение. По итогам

исследования сделаны следующие выводы. Во-первых, восприятие элитами сути армянского и турецкого контекста его развития доказывает правомерность категории «русский ориентализм», который имел направленность вовне и внутрь, на Кавказ, где проживало армянское население. Во-вторых, специфику ориентализма геополитических представлений российских элит определяли практические задачи их службы. В-третьих, «русский ориентализм» отличается большей неоднородностью и имеет больше граней, чем это представлено в исследовании Э. Саида.

Ключевые слова: русский ориентализм, Э. Саид, оксицентризм, геополитические представления, Российская империя, армянский вопрос, восточный вопрос

Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Армянский вопрос в международных отношениях (1895–1923 гг.)» (№ 20-59-05002 Арм_а).

Для цитирования: Амбарцумян К. Р. Ориентализм в геополитических представлениях военных и дипломатических элит Российской империи (на материалах обсуждения «армянского вопроса» в конце XIX – начале XX в.). // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 2. С. 281–292.
DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-281-292

Orientalism in Geopolitical Representations of Imperial Russia's Military and Diplomatic Elites: Late 19th – Early 20th Century Materials Discussing the 'Armenian Question' Analyzed

Karine R. Ambartsumyan¹

¹ North-Caucasus Federal University (1, Pushkin St., 355017 Stavropol, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

ID 0000-0002-9397-6197. E-mail: karina-best21[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Ambartsumyan K. R., 2023

Abstract. *Introduction.* Edward W. Said's *Orientalism: Western Conceptions of the Orient* introduced the category 'Orientalism' into scientific and political discourse. So, the article focuses on the Armenian question that became a remarkable part of the Eastern question at the turn of the 20th century — to illustrate features of 'Russian Orientalism'. The decline of the Ottoman Porte, difficulties faced by ethnic Armenians in Turkey, and the political unrest among Armenians of the Caucasus resulted in that the Russian military and diplomats were paying close attention to those events, which was reflected in related reports. *Materials and methods.* The published sources examined are those authored by N. Ivanov, A. Nelidov, D. Putyata, P. Tomilov, I. Vorontsov-Dashkov, R. Teremen. The archival documents involved (State Archive of Russian Federation) are A. Nelidov's reports of 1882 and 1896, both addressed to V. Lamsdorf. The theoretical basis is shaped by concepts of Orientalism, Occidentalism, and critical geopolitics, the latter viewing geopolitical ideas of elites as an independent phenomenon referred to as 'high geopolitics'. *Results.* After the Treaty of Berlin (1878) the Armenian question became a new domain for interaction between the great powers. The analysis conducted herein confirms that 'Russian Orientalism' — in geopolitical ideas of the elites — had an anti-Western shade. Paradoxically, in Eastern contexts Russian imperial elites were positioning themselves as representatives of European civilization. However, when it came to defend national interests, their reasoning would obtain anti-Western tones. Occidentalism presupposes a unification of the Western world, which, for example, can be observed in the reports of Ya. Lundekvist and A. Nelidov. The views and shades of Orientalism were determined by practical job tasks. For instance, Governor-General I. Vorontsov-Dashkov was rather a bearer of 'internal Orientalism' suggesting a patronizing concern for the Caucasian Armenians. Therefore, there were certain differences in attitudes of capital-based executives and those articulated by ones in the colonized periphery of the Empire. *Conclusions.* So, the study concludes as follows. Firstly, how the elites tended to perceive the essence of the Armenian question and its Turkish contexts proves the legitimacy of the category 'Russian Orientalism' — directed both outside and inside — the latter covering the Caucasus with a certain

portion of Armenian population. Secondly, features of Orientalism in geopolitical representations of Russian elites were determined by practical tasks of their service. Thirdly, ‘Russian Orientalism’ is more heterogeneous and its aspects outnumber those presented in Edward W. Said’s study.

Keywords: Russian Orientalism, Edward W. Said, Occidentalism, geopolitical ideas, Russian Empire, Armenian question, Eastern question

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR, project no. 20-59-05002 Арм_а ‘The Armenian Question in International Relations: 1895–1923’.

For citation: Ambartsumyan K. R. Orientalism in Geopolitical Representations of Imperial Russia’s Military and Diplomatic Elites: Late 19th – Early 20th Century Materials Discussing the ‘Armenian Question’ Analyzed. *Oriental Studies*. 2023; 16(2): 281–292. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-281-292

1. Введение

Одной из популярных, и даже одиозных, научных работ второй половины XX в. стала книга Э. Саида «Ориентализм. Западные концепции Востока» [Сайд 2006]. Эдвард Вади Сайд был американским интеллектуалом и ученым арабского происхождения, но протестантского вероисповедания. Имея восточное происхождение, он был глубоко интегрирован в западное социокультурное пространство. Такой опыт проживания в двух мирах стал предпосылкой внутреннего конфликта идентичностей, который вылился в рефлексию о том, что же такое Восток в западной интерпретации. В итоге Э. Сайд формирует новое знание об ориентализме, как о «западном стиле доминирования, реконструирования и осуществления власти над Востоком» [Сайд 2006: 10]. Книга Э. Саида породила как последователей подхода, так и волну критики, в рамках которой автора обвиняли в ограничении образа Востока только Ближним Востоком и избегании примеров непредвзятого европейского взгляда на восточные цивилизации. Кроме того, делая универсальные выводы, Э. Сайд писал в основном только о Британии и Франции XIX и XX вв., не анализируя специфику этого вопроса в разных странах, включая Россию, что тоже является поводом для критики труда. Трактовка ориентализма Э. Саида является довольно распространенной и связана с покорением и распространением власти западного мира. Фактически Э. Сайд понимал под ориентализмом упрощенное шаблонное отношение западной цивилизации к Востоку.

Некоторая шаблонность, за которую критикуют Э. Саида, стала побудительным

мотивом для изучения российского опыта ориентализма, с целью выявить его отличия от европейского аналога. В рамках данной статьи важна сама идея необходимости имагологической рефлексии относительно сконструированного «Востока», в частности над Российской внешней политикой на разных ее исторических этапах. Целью данного исследования является дополнение сконструированной исторической картины политической практики России в армянском вопросе в конце XIX – начале XX в. посредством воссоздания ее теоретического и геополитического уровня. Выбранная хронология объясняется трансформацией восточного вопроса в европейской и российской политике после русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и четким оформлением внутри него армянского вопроса, который весь период развивался в сторону эскалации и обострения.

2. Материалы и методы

В рамках исследования источниковую базу сформировали опубликованные и неопубликованные делопроизводственные документы, которые могут быть определены как дипломатические источники. В значительной части были использованы донесения консулов, военных и послов (Н. Г. Иванов, А. И. Нелидов, Д. В. Путята, П. А. Томилов, И. И. Воронцов-Дашков, Р. И. Термен), которые в той или иной освещали проблемы армянского населения в Османской империи и которые помещали его в широкий контекст внешней политики Российской империи, предлагая свое видение геополитических реалий на восточном направлении внешней политики, в

том числе в связи с появлением армянского вопроса, который перестал быть внутренним делом Порты после Сан-Степанского договора и Берлинского трактата. Эти соглашения обязывали султана провести реформы управления армянскими вилайетами под контролем держав. Безусловную ценность представляют неопубликованные донесения А. И. Нелидова, которые он направлял на имя В. Н. Ламздорфа [ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 159; ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 157]. В работе использованы сообщения, сделанные в начале его дипломатической службы в Константинополе и практически в конце (1896 г., а в 1897 г. его сменил И. А. Зиновьев), что позволило посмотреть на его представления в эволюции.

Наряду с общенаучными и традиционными методами исторического исследования, теоретической основой работы стали концепции оксидентализма и ориентализма, которые позволяют реконструировать представления военных и дипломатических элит Российской империи через их восприятие и оценки «Запада» и «Востока». Межdisciplinarnyj принцип позволил привлечь подход критической geopolitiki Дж. О’Тоала и его учение о «высокой» и «низкой» geopolitike, подразумевающей систему взглядов элит и обывателей. Критический анализ текстов осуществлялся с помощью подходов интеллектуальной истории, которая позволяла соотносить особенности транслируемых авторами идей с особенностями их биографий и историческим контекстом.

3. Категория «русский ориентализм»: формулировка проблемы

В какой-то момент Э. Сайд по касательной затронул русский ориентализм и говорил о его особенностях в сравнении от британским, французским и американским аналогами, но эту мысль так и не развил [Kemper 2018]. В современной исторической науке мы сталкиваемся с понятием «русский ориентализм» в трудах как российских, так и зарубежных исследователей [Kemper 2018; Bustanov 2015; Morrison 2009; Alexeev 2020]. Российский филолог П. В. Алексеев предлагает не сводить «русский ориентализм» только к дискурсу о Востоке как некоем типе цивилизации, противоположном Западу и России. В его

понимании «русский ориентализм» — это не одна идея, а комплекс различных идей и дискурсов гетерогенного происхождения [Alexeev 2020: 202–203].

Канадский историк-славист Д. Схиммельпеннинк ван дер Ойе в монографии термин «русский ориентализм» вынес в заголовок. Ученый исследовал амбивалентное отношение России к Востоку, как к «другому», и в то же время — как к части своего «Я» [Схиммельпеннинк 2019: 13]. По его мнению, азиатская идентичность России была скорее ренессансным стереотипом для Европы. Данное клише закрепилось, восточная география страны и репрессивные правители только усиливали «азиатскую» России в европейском сознании [Схиммельпеннинк 2019: 9].

Россия не мыслила себя частью Азии, более того, представители российской элиты позиционировали себя как часть Европы, особенно оказавшись в неевропейском окружении. Они неизбежно испытывали неприязнь ко всему «азиатскому». Российский ориентализм имеет гораздо более сложное содержание, чем может показаться на первый взгляд. Так, военный министр Российской империи Д. А. Милютин, начинавший военную карьеру, прибыл на Кавказ и оказался в кумыкском ауле в гостях у местного князя. В мемуарах он описал жилище князя как «домик татарского типа», сам же хозяин принял гостей с «азиатским достоинством» [Воспоминания генерал-фельдмаршала 1919: 179]. При всем многообразии дореволюционных текстов о Кавказе мы обращаемся именно к Д. А. Милютину намеренно. Он был не просто представителем российского имперского государства, но и вошел в историю как geopolitik и основатель военной географии, где взгляды и представления о пространстве соединяются с практикой его освоения. Ориентализм Д. А. Милютина предполагал не только освоение империей кавказского пространства военным путем, большое значение он придавал утверждению «морального влияния» России среди местного населения [Попов 2017: 101].

В целом Д. А. Милютин критически относился ко многим мерам имперской власти в регионе. В этой связи мы должны согласиться с утверждением Д. Схиммельпеннинка ван дер Ойе о том, что формула

Э. Саида не вполне применима к российскому ориентализму. Э. Саид подразумевал общий взгляд Запада на Азию, т. е. на Восток, общие методы обращения с ней, в то время как география Российской империи и ее история детерминировали многообразие представлений об Азии в российском сознании, в том числе и элит [Схиммельпенник 2019: 14]. Обращение к историческому материалу и конкретной внешней и внутренней политике Российской империи показывает, что шаблон Э. Саида не совпадает с реалиями. К Востоку российские интеллектуалы и политики подходили вариативно. В этой связи Центральная Азия формировала одни образы и требовала определенных политических практик, Турция и входящие в ее состав армянские вилайеты были связаны с иным видом ориентализма, а полигэтническое кавказское пограничье Российской империи воспринималось в совершенно особом ключе.

Э. Саид анализировал образы Востока, как инструмент властвования. Однако практика покорения, подчинения и установления контроля осуществляется в большинстве случаев не интеллектуалами, писателями и художниками, а военными и дипломатами. Именно фигуры «дипломата» и «солдата» французский мыслитель Раймон Арон использовал для метафорического описания мировой политики. Поэтому целесообразно посмотреть на то, как выглядел «восточный вопрос» в сознании практиков внешней политики. Здесь мы обращаемся к учению американского политолога Дж. О’Тоала о критической geopolитике, которая в том числе вводит в научный оборот термин «геополитические представления» [O’Tuathail 1998: 16].

Сторонники критической geopolитики полагают, что внешняя политика формируется не под влиянием естественных законов и структур пространства, а под влиянием представлений о нем. Эти образы в свою очередь делятся на «низкую» и «высокую» geopolитику. В первом случае речь идет о национальной и политической идентичности населения, которое в той или иной степени является носителем geopolитического видения мира. «Высокая» geopolитика изучает представления элиты, которая более осведомлена и имеет большее отношение к внешней политике. «Низкая», по версии

Дж. О’Тоала, отражает образы, сформировавшиеся в массовом сознании страны, они связаны с уровнем «высокой» geopolитики, но не обязательно будут совпадать [Колосов 2002: 33]. В этой связи, если мы смотрим на geopolитические представления военной, политической и дипломатической элиты Российской империи, то мы перемещаемся на уровень именно «высокой geopolитики», предполагающей наполнение пространства конкретным культурным содержанием и его антропологизацию.

Ориентализм, будучи способом осмысливания и освоения пространства, может трактоваться как часть geopolитических представлений. Концепция Дж. О’Тоала стала ответом geopolитики на постмодернистский вызов, и в рамках междисциплинарного подхода будет целесообразно адаптировать ее к изучаемому историческому материалу. Автор теории критической geopolитики полагает, что предметом данного направления являются как практики, так и теоретический дискурс. Существующие практики порождают определенный дискурс, который, как правило, в той или степени коррелирует с политикой. Вновь мы должны обратиться к содержанию конкретных geopolитических представлений участников международной политики.

4. Сочетание оксиентализма и ориентализма в представлениях российских военных и дипломатов

Отношение Российской империи к армянскому вопросу и практические шаги по его разрешению нашли отражение в ряде научных работ [Крючков 2021; Величко 2021; Величко, Амбарцумян 2021]. В рамках данной статьи мы обращаемся скорее к уровню видения этой проблемы в условиях противопоставления Востока и Запада.

Представления о покоряемых и уже присоединенных территориях, собственной территории, о соседях и о себе в системе международных отношений формируют определенный комплекс geopolитических представлений. В geopolитическом мировоззрении модерна сложилась бинарная география, в рамках которой категории «Запад» и «Восток» подразумевали конкретные пространства, которые атрибутировались определенным образом [O’Tuathail 1998: 29].

В этой связи в системе европейских международных отношений и внешней политики Российской империи отдельно оформленся «восточный вопрос». Турция по сей день не смогла безоговорочно войти в круг европейских народов, несмотря на все реформы Ататюрка и членство в НАТО, а уж в период модерна Османская империя тем более определялась как «Восток».

После русско-турецкой войны 1877–1878 гг. восточный вопрос приобрел для России новое звучание, так как с этого момента начинается оформление армянского вопроса, который с точки зрения дихотомии «Запад-Восток» является проявлением необычности российского ориентализма. Безусловно, армяне (и Кавказа, и Турции) виделись имперским представителям через евроцентристскую призму. При этом Армения была как «Кавказская», так и «Азиатская», и это прослеживается даже в официальной переписке военно-дипломатических деятелей разного уровня. Российский консул в Алеппо статский советник Н. Г. Иванов после Берлинского конгресса, на котором он присутствовал, писал о неблагоприятных последствиях для России и российского Кавказа политики «Запада» по поддержке автономии Турецкой Армении [Армянский вопрос 2013: 318]. Вот здесь мы обнаруживаем гетерогенность русского ориентализма, который имел определенное геополитическое воплощение. Если у Э. Саида ориентализм предполагается как часть прозападного дискурса, в российской «высокой геополитике» он становится антизападным, когда речь идет о «восточном вопросе»: «Франция и Англия силятся превратить Армению в оплот противорусского влияния и вторжения в Малую Азию и создать на Кавказе Польшу...» [Армянский вопрос 2013: 318].

Надворный советник Я. Ф. Лундеквист, кстати, имеющий шведские корни, писал о том, что в Турции на каждом шагу чувствуется недоброжелательность Запада [Армянский вопрос 2013: 319]. Безусловный интерес представляет его восприятие армянского населения: «Кроме русских и турецких армян, есть еще персидские, английские, австрийские...» [Армянский вопрос 2013: 319].

Описывая территории и население, которые традиционно воспринимались в России

в европоцентристском ключе, дипломаты и военные демонстрируют пересечение ориентализма и оксидентализма в своих геополитических представлениях. Сам концепт оксидентализма этимологически сформировался из французского слова «occident», означающего «запад» [Metin 2020: 183].

Под оксидентализмом понимается противоположная ориентализму парадигма, в которой Запад выделяется в особый унифицированный культурный и политический мир. Данное направление возникло в конце XX в. во многом как реакция на сайдовский ориентализм. Турецкий исследователь А. Метин полагает, что оксидентализм формирует знание о Западе с целью создать баланс между дискурсами Востока и Запада, а не с целью доминирования [Metin 2020: 183].

Можно встретить мнение, что в широком смысле западная цивилизация рассматривается оксидентализмом как антитеза восточной, как пример успеха и эффективности. Однако может быть и негативная коннотация, когда Запад понимается как антигуманная и тлетворная сила [Маргарян 2016: 174–175].

А. Метин предлагает следующие три определения данной категории: во-первых, это процесс изучения Востока Западом, во-вторых, враждебное отношение к «западному», в-третьих, ответ на вопрос как адаптировать западные ценности [Metin 2020: 183–184].

В проанализированных выше документах переплетались понимание себя как части европейской культуры и практические интересы государства, которое представляли и Н. Г. Иванов, и Я. Ф. Лундеквист, становились носителями оксиденталистского подхода и обобщения геополитического сооперника под категорией «Запад».

5. Особенности ориенталистских представлений А. И. Нелидова

Будучи управляющим посольством в Константинополе и консулом в Трапезунде, А. И. Нелидов активно писал в 1882 г. сотруднику МИДа, В. Н. Ламздорфу доносения о ситуации в Османской империи с христианским населением. Прежде, чем обратиться к его взглядам на армянский вопрос, следует составить представление о его геополитических взглядах, тем более что в

1883 г. А. И. Нелидов был назначен послом в Константинополь.

Дипломатическая служба в Константинополе была одним из самых значительных этапов в карьере А. И. Нелидова, и главной его целью было утверждение России на берегах Босфора, что должно было окончательно закрепить закавказские владения за Россией [Нелидов 1931: 182]. На бумаге, которой он пользовался в частной переписке, было славянской вязью указано «посол в Царьграде» [Рыбаченок 2021: 18].

Определенный интерес с имагологической точки зрения представляет собой его записка «О занятии проливов» [Нелидов 1931: 179–187]. В ней он выражал тревогу по поводу стремительного ослабления Османской империи и угрозы распада. Россия же представляла как «ближайший и наиболее заинтересованный в судьбах Востока сосед» [Нелидов 1931: 182]: «Тут дело идет не о наступательном действии для разрушения существующего на европейском востоке порядка вещей. Порядок этот рассыпается сам собой. Со временем нашей последней войны Турция стала мало-помалу лишаться своих владений мирным путем. Европейские державы начали одна за другой отыматъ у нее выгодные для себя провинции» [Нелидов 1931: 182]. Сам Константинополь как восточный город им не мыслился, это был «город всемирной торговли, всевозможных исторических воспоминаний, религиозных верований и самых народностей» [Нелидов 1931: 187].

А. И. Нелидов полагал, что «Царьград» должен быть независим и принадлежать самому себе, но под покровительством России [Нелидов 1931: 187]. Покровительство не означало присоединение, так как в фактическом приращении этих территорий к Российской империи он видел источник ослабления Турции. Однако российский военный контроль Босфора было важно установить с точки зрения противопоставления себя Западу [Нелидов 1931: 187].

Достижение означенной цели требовало не терять бдительности и в армянском вопросе. Здесь А. И. Нелидов тоже противопоставлял Россию Западу, который, по его мнению, хотел искоренить врожденные симпатии армянского населения к российскому государству [ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 157. Л. 2об.–3].

В 1882 г. были свежи еще воспоминания о Берлинском конгрессе, и была актуальна задача максимальной защиты интересов России в Малой Азии. Поэтому армянское население Турции становилось инструментом этой политики. То, что сейчас принято называть «мягкой силой», А. И. Нелидов называл «удобной почвой для культурного развития» [ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 157. Л. 3], которая должна была сделать Россию более привлекательной для армянского населения. Имагологически армяне отделялись от Востока и больше включались в российское социокультурное пространство, так как уже к этому времени в Москве был Лазаревский институт, в Закавказье проживало много богатых армян, немало было армян среди российских чиновников, конечно, огромное значение имело расположение Эчмиадзина — духовной столицы армян всего мира в российских пределах.

Все армянское население А. И. Нелидов делил на «русских и турецких», в основе чего в большей степени лежало подданство, а не культурные критерии. Борьба за симпатии армян принимала форму противостояния не Порте, а именно Западу. А. И. Нелидов писал об активной католической пропаганде и открытии католических школ, которые гораздо богаче финансировались Европой, чем армяно-григорианские. Кстати, А. И. Нелидов осуждал католиков за пренебрежение местными особенностями, когда они учащуюсятурчанку на одном из праздников заставили нести крест [ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 157. Л. 8]. Мерой противодействия католической активности он видел поддержку армянских школ как деньгами, так и учителями из России [ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 157. Л. 8об.].

К 1896 г. Османская империя ослабла еще больше, и армянский вопрос усугубился и вылился в «гамидовские погромы». А. И. Нелидов в статусе посла в Константинополе писал будущему министру иностранных дел В. Н. Ламздорфу о том, что Россия должна воспользоваться ситуацией и отстоять свои интересы. Турция «дряхла», и возможности спасти ее от распада А. И. Нелидов не видел, поэтому дипломатия прикладывала максимум усилий для того, чтобы отстоять status quo на «Европейском Востоке» — амбивалентное, по сути, его взглядам понятие, в тексте секретного

письма выдает гибкость и адаптивность геополитических представлений [ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 159. Л. 4]. Армянский вопрос и его гуманитарная составляющая отходили на второй план, и в значительной степени российский дипломат был озабочен тем, чтобы европейские державы под предлогом защиты армян не заняли Босфор. Более того, А. И. Нелидов предлагал договариваться и консолидироваться с Францией, чтобы согласовать «совместные действия на Востоке» [ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 159. Л. 10об.]. Турция в силу слабости становилась пассивным объектом дележа, что может рассматриваться с позиций ориентализма: «Высоко ценя и сознавая величие задачи сохранения Европейского мира, я не могу не высказать глубокого убеждения, что продолжение настоящего положения вещей в Турции представляет гораздо большую опасность, чем своевременное соглашение Держав относительно судеб, находящихся ее ныне под игом Султана земель...» [ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 159. Л. 69].

Важно было соблюсти баланс, о котором пишет А. И. Нелидов и который выдает пересечение оксидентализма и ориентализма во взглядах российского дипломата. С одной стороны, он был удовлетворен тем, что великие державы признают интересы России на Босфоре. С другой стороны, кровавые погромы армян вредили репутации государства и могли «вызвать самые грустные и несогласные с историческим признанием и прежними действиями России на Востоке последствия» [ГА РФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 159. Л. 69об.].

6. Геополитические представления полковника Д. В. Путяты

В 1895 г. полковник Генерального штаба Д. В. Путята в своих служебных донесениях приводил свидетельства антропологической экспедиции Русского Географического общества в Малую Азию, которая заключила, что антропологически армяне обладают теми же признаками, что и другие народы Передней Азии, Кавказа и Персии. Сам Д. В. Путята так характеризует повседневность армянского сельского населения: «Если население ходит в рубище и спит вместе со скотом, то это происходит не от недостатка в средствах, но и потому что с библейских времен привычки населения

не изменились» [Армянский вопрос 2013: 366]. Однако, данная хлесткая характеристика не является признаком европейского высокомерия, так как такие же оценки можно встретить в этнографических описаниях русского населения. Следовательно, корреляция между культурным превосходством и ориенталистским подходом не является непременной.

Свои представления о европейском, как о синониме прогрессивного, Д. В. Путята непроизвольно транслирует даже в тексте сугубо служебного назначения. Описывая быт населения турецких армян, он упомянул распространение висячих керосиновых лампочек как единственный признак проникновения в деревню европейских удобств [Армянский вопрос 2013: 362].

Текст Д. В. Путяты сочетает в себе бытописание армянского и курдского населения с характеристиками, типичными для евроцентристского дискурса, с критическими оксиденталистскими оценками политической деятельности Англии и США. Например, он писал о стремлении армян к образованию как о желании получить выгоду, а не расширить кругозор. Эксплуатация себе подобных представлена как врожденная склонность армянского населения [Армянский вопрос 2013: 368], что выдает европоцентристский подход автора. Критический оксидентализм Д. В. Путяты проявляется в оценке работы американских миссий в Азиатской Турции, руководящий центр которых находился в Бостоне. В Азиатской Турции к концу XIX в. образовалась сеть таких протестантских учебных заведений. Миссия распространяла протестантизм, и в Азиатской Турции уже в 1819 г. было замечено, что «из разных народностей, населяющих страну, только армяне и редко греки могут представить благоприятную почву для деятельности миссии и что лучший способ воздействия на армянское население, чтобы отказаться от религии предков, заключается в доставлении ему дешевого или даже бесплатного образования» [Армянский вопрос 2013: 369–370]. Попытку переделки традиционной культуры по западным стандартам он расценивает негативно, отмечая также особенности организации учебного процесса. Так, математика, физика, география, история преподавались

на гораздо более низком уровне, чем в европейских средних учебных заведениях, а здесь имелся лишь «намек» на эти предметы. При этом преподавались такие учебные предметы, как нравственная философия и история цивилизаций, что, по мнению Д. В. Путяты, призвано было «поколебать в умах учеников понятие о подчиненности властям». Он осуждал американцев за то, что внутренние порядки в учебных заведениях не сочетались с условиями жизни в Азиатской Турции [Армянский вопрос 2013: 372–373]. Российского представителя тревожила практика отправки армянской молодежи в Бостон, после чего они не могли примириться с порядками в Османской империи.

7. «Внутренний» Восток в сообщениях П. А. Томилова

Обострение армянского вопроса в Османской империи напрямую коснулось «внутреннего» Востока России — Кавказа. В 1894 г. в Турции начались погромы и убийства армянского населения, от которых оно спасалось именно в кавказских пределах Российской империи. Большое скопление беженцев беспокоило как Петербург, так и кавказские власти, которые опасались радикализации настроений среди российско-подданных армян. При этом сложность заключалась в том, что обе группы армянского населения безусловно воспринимались как народ восточный. Однако российскими военными эти группы могли восприниматься по-разному. Кавказские армяне воспринимались как подданые, и малейший сепаратизм вызывал опасение. Полковник Генерального штаба П. А. Томилов в 1907 г. отмечал, что к России армяне Южного КурDISTана относятся даже благожелательнее, чем армяне Кавказа. В ней они видели более прочную гарантию своей безопасности, чем в Западной Европе, но упрекали за то, что Россия допустила «гамидовскую резню» (или Хамидийская резня). В целом армянское население оценивается П. А. Томиловым неоднозначно. Он ссылается на британского вице-консула в Битлисе, который внешне покровительствовал армянскому населению, но в личных беседах высказывался противоречиво: «... если бы сила была на стороне армян,

а не мусульман, то положение последних было бы несравненно тяжелее, чем настоящее положение армян» [Армянский вопрос 2013: 431]. Судя по контексту, российский полковник был отчасти согласен с этим мнением.

8. Особенности ориентализма Р. И. Термена

Российский востоковед, генерал-майор Генштаба Р. И. Термен в своем отчете о поездке в Ванский, Битлисский и Диарбекирский вилайеты подробно описал положение не только армянского населения, но и турецкой администрации. Подход интеллектуальной истории требует брать в расчет не только текст, но и личность самого исторического фигуранта. Большую часть жизни Р. И. Термен придерживался кальвинизма, образование получил при Азиатском департаменте МИДа, в результате чего владел арабским и турецким языками. Представляется, что его взгляды были ближе к ориенталистским, нежели суждения предыдущих авторов. Турцию он четко отделял от цивилизованного мира, осуждая политику, проводимую в отношении армянского населения [Армянский вопрос 2013: 471].

Внутреннее пространство исследуемых вилайетов воссоздается, исходя из положения населяющих их народов, а не геополитического соперничества держав, на что обращал внимание Д. В. Путята, который вину за революционную борьбу армян возлагал на США и Великобританию. Р. И. Термен же полагал, что почву для революции подготовило само турецкое правительство [Армянский вопрос 2013: 487].

Ориенталистские представления Р. И. Термена, как их понимал Э. Сайд, в большей степени касаются Турции: «Вследствие отсутствия образования среди мусульман большинство чиновников назначаются на службу из-за покровительства и фаворитизма высших должностных лиц... Чиновники Турции все подкупны и продажны... При существующем религиозном антагонизме между христианами и мусульманами и фанатизме этих последних вполне естественно, что плохая администрация ложится тяжелым бременем, главным образом, на христианское население» [Армянский вопрос 2013: 481].

9. Утилитарный ориентализм И. И. Воронцова-Дашкова

Служебный долг графа И. И. Воронцова-Дашкова, наместника на Кавказе, обусловил формирование определенных представлений об армянском вопросе и его месте в российской внешней политике. В своем отчете за 1913 г. он дал положительную характеристику кавказским армянам, говоря о них как о «русских армянах». Армянский вопрос в его понимании — это, прежде всего, ситуация на Кавказе, на которую влияла обстановка в Турции. Он предостерегал от революционных последствий организации процесса над партией «Дашнакцутюн» и просил не вешать ярлык революционеров на весь народ. Прошлые вспышки сепаратизма армян он связывал с конфискацией имущества армяно-григорианской церкви и «неосторожным обращением с религиозными и национальными чувствами» [Всеподданнейший отчет 1913: 6–7].

Главной его идеей было то, что не только русские армяне не стремятся к отделению от России, но и даже турецкие добиваются ее покровительства. Будучи военным чиновником, погруженным в дела Кавказа, И. И. Воронцов-Дашков транслировал через текст не ориентализм, скорее, речь шла об образе внутреннего «Другого», причем таковым являлся весь Кавказ, отличавшийся от остальных частей России. В данном случае уместнее говорить о внутреннем ориентализме, причем не самого И. И. Воронцова-Дашкова, а имперского центра, к которому наместник апеллировал. Развитие дискурса внутреннего ориентализма предполагает подчинение более слабого региона большим государством, а затем наделение его отрицательными характеристиками, в том числе культурной и моральной отсталостью [Джонсон, Коулман 2012: 112].

10. Заключение

Адаптация категории «ориентализм» к изучению российского опыта обсуждения военной и дипломатической элитой армянского вопроса позволила выявить некоторые особенности. Во-первых, категория «русский ориентализм» имеет право на существование, так как Российская империя включала в себя элементы восточной цивилизации, которые сумела адаптировать и перевести в статус так называемого «внутреннего другого», таковыми, например, являлись кавказские армяне. Внутри империи армянское население рассматривалось через ориенталистский подход, однако, при освещении положения турецких армян они выделялись за счет близости к России и христианского вероисповедания. Во-вторых, geopolитические представления элит формировались под влиянием решения практических задач российского государства в Османской империи. Геополитическое соперничество с Европой и даже США в Малой Азии обусловило оксиденталистские элементы в изучаемых текстах. Сложность явления заключается в том, что сами авторы были частью европейской цивилизации, впрочем, также себя позиционировало и Российское государство в восточной политике, но противоречия с великими державами по конкретным ситуациям (например, армянский вопрос) обусловил оксиденталистский тон ряда дипломатических документов. Это означало противопоставление себя Западу не ценностно или цивилизационно, а в разрезе конкретных внешнеполитических интересов. В-третьих, русских ориентализм, как показывают изученные источники, отличался гибкостью и гетерогенностью, что отличает его от трактовки данного явления Э. Сайдом.

Источники

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации.

Sources

State Archive of the Russian Federation.

Литература

Армянский вопрос 2013 — Армянский вопрос в Турции: в материалах русского Генерального штаба / сост. М. Басханов. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2013. 637 с.

Величко 2021 — Величко Л. Н. «Армянский вопрос» в контексте восточной политики России в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Калмыцкого университета. 2021. № 4. С. 6–15.

- Величко, Амбарцумян 2021 — *Величко Л. Н., Амбарцумян К. Р.* Влияние кавказского фактора на позицию Российской империи в урегулировании армянского вопроса в конце XIX – начале XX вв. // Народы Кавказа в XVIII–XXI вв.: история, политика, культура: материалы VIII Междунар. форума историков-кавказоведов в 2 тт. Т. 2 / отв. ред. Г. Г. Матишов. Пятигорск; Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2021. С. 28–34.
- Воспоминания генерал-фельдмаршала 1919 — Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. Томск: Издание военной академии, 1919. 456 с.
- Всеподданейший отчет 1913 — Всеподданейший отчет за восемь лет управления Кавказом Генерал-Адъютанта Графа Воронцова-Дашкова. СПб.: Гос. тип., 1913. 36 с.
- Джонсон, Коулман 2012 — *Джонсон К., Коулман А.* Внутренний «другой»: диалектические взаимосвязи между конструированием региональных и национальных идентичностей // Культурная и гуманитарная география. 2012. Т. 1. № 2. С. 107–125.
- Колосов 2002 — *Колосов В.* «Низкая» и «высокая» geopolitika. Образы зарубежных стран в представлениях российских граждан [электронный ресурс] // Отечественные записки. 2002. № 3. С. 33. Журнальный зал. URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2002/3/nizkaya-i-vysokaya-geopolitika.html> (дата обращения: 21.01.2023).
- Крючков 2021 — *Крючков И. В.* Британский фактор в развитии национального движения армян Западной Армении в последней трети XIX в. в оценке полковника Д. В. Путяты // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. № 3. С. 48–54.
- Маргарян 2016 — *Маргарян Е. Г.* Современные номотетические подходы к анализу динамики всемирной истории: «переORIENTация» или «ориентализация» современного исторического сознания? // Диалог со временем. 2016. Вып. 55. С. 173–193.
- Нелидов 1931 — *Нелидов А. И.* О занятии проливов // Красный архив. 1931. Т. 3(46). С. 179–187.
- Попов 2017 — *Попов М. Е.* Вклад Д. А. Милютина в развитие российской военной науки // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9. № 5/2. С. 100–105.
- Рыбаченок 2021 — *Рыбаченок И. С.* Александр Иванович Нелидов: судьба и карьера русского дипломата // Вопросы истории. 2021. № 10–1. С. 16–35.
- Сайд 2006 — *Сайд Э.* Ориентализм. Западные концепции Востока. М.: Русский мир, 2006. 636 с.
- Схиммельпенник 2019 — *Схиммельпенник ван дер Ойе Д.* Русский ориентализм. Азия в российском сознании от эпохи Петра Великого до Белой эмиграции = Russian Orientalism: Asia in the Russian Mind from Peter the Great to the Emigration / пер. с англ. П. Бавина. М.: Полиграфическая энциклопедия, 2019. 287 с.
- Alekseev 2020 — Alekseev P. V. Notes on Russian Orientalism as a Phenomenon of Cultural Transfers // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 67. С. 189–203. DOI: 10.17223/19986645/67/10
- Bustanov 2015 — Bustanov A. K. Soviet Orientalism and the Creation of Central Asian Nations. London: Routledge, 2015. 172 с.
- Kemper 2018 — Kemper M. Russian Orientalism [электронный ресурс] // Oxford Research Encyclopedias. Asian History. 26 September 2018. URL: <https://oxfordre.com/asianhistory/display/10.1093/acrefore/9780190277727.001.0001/acrefore-9780190277727-e-297;jsessionid=84DA4E4A1A2D80644549E885F2CEBB55> (дата обращения: 21.01.2023).
- Metin 2020 — Metin A. Occidentalism: An Eastern Reply to Orientalism // Journal of Social Sciences of the Turkic World. 2020. No. 93. Pp. 191–202.
- Morrison 2009 — Morrison A. ‘Applied Orientalism’ in British India and Tsarist Turkestan // Comparative Studies in Society & History. 2009. Vol. 51. No. 3. Pp. 619–647
- O’Tuathail 1998 — O’Tuathail G. Postmodern geopolitics? The modern geopolitical imagination and beyond // Rethinking Geopolitics / Gearóid Ó Tuathail and Simon Dalby (eds.). London, New York: Routledge, 1998. Pp. 16–38.
- General Staff. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2013. 637 p. (In Russ.)
- Bustanov A. K. Soviet Orientalism and the Creation of Central Asian Nations. London: Routledge, 2015. 172 p. (In Russ.)
- Johnson C., Coleman A. The internal other: Exploring the dialectical relationship between regional exclusion and the construction of na-

References

- Alekseev P. V. Notes on Russian Orientalism as a phenomenon of cultural transfers. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2020. No. 67. Pp. 189–203. (In Eng.) DOI: 10.17223/19986645/67/10
- Baskhanov M. (comp.) The Armenian Question in Turkey: [Analyzing] Materials of Russia’s

- tional identity. *Cultural Geography & Geohumanities*. 2012. Vol. 1. No. 2. Pp. 107–125. (In Russ.)
- Kemper M. Russian Orientalism. On: Oxford Research Encyclopedias. Asian History. [Posted on] 26 September 2018. Available at: <https://oxfordre.com/asianhistory/display/10.1093/acrefore/9780190277727.001.0001/acrefore-9780190277727-e-297;jsessionid=84DA4E4A1A2D80644549E885F2CEBB55> (accessed: 21 January 2023). (In Eng.)
- Kolosov V. ‘Low’ and ‘high’ geopolitics: Images of foreign countries in representations of Russian citizens. *Otechestvennye Zapiski*. 2002. No. 3. Pp. 33. Available at: <https://magazines.gorky.media/oz/2002/3/nizkaya-i-vysokaya-geopolitika.html> (accessed: 21 January 2023). (In Russ.)
- Kryuchkov I. V. The British factor in the development of the national movement of Armenians of Western Armenia in the last third of the XIXth century in the assessment of Colonel D. V. Putyata. *Humanities and Law Research*. 2021. No. 3. Pp. 48–54. (In Russ.)
- Margaryan E. G. Modern nomothetic approaches in the analysis of the dynamics of world history: “ReORIENTalization” or “Orientalization” of modern historical consciousness. *Dialogue with Time*. 2016. No. 55. Pp. 173–193. (In Russ.) DOI: <https://roii.ru/r/1/55.10>.
- Metin A. Occidentalism: An eastern reply to Orientalism. *Journal of Social Sciences of the Turkic World*. 2020. No. 93. Pp. 191–202. (In Eng.)
- Milyutin D. A. Memoirs by Field Marshal Dmitry Alekseevich Milyutin. Tomsk: Military Academy, 1919. 456 p. (In Russ.)
- Morrison A. ‘Applied Orientalism’ in British India and Tsarist Turkestan. *Comparative Studies in Society & History*. 2009. Vol. 51. No. 3. Pp. 619–647. (In Eng.)
- Nelidov A. I. To occupy the straits. *Krasnyi arkhiv*. 1931. Vol. 3 (46). Pp. 179–187. (In Russ.)
- Ó Tuathail G. Postmodern geopolitics? The modern geopolitical imagination and beyond. In: Ó Tuathail G., Dalby S. (eds.) *Rethinking Geopolitics*. London, New York: Routledge, 1998. Pp. 16–38. (In Eng.)
- Popov M. E. D. A Milyutin’s contribution in the development of the Russian military science. *Historical and Social Educational Ideas*. 2017. Vol. 9. No. 5/2. Pp. 100–105. (In Russ.)
- Rybachenok I. S. Alexander Ivanovich Nelidov: Fate and career of a Russian diplomat. *Voprosy Istorii*. 2021. No. 10–1. Pp. 16–35. (In Russ.)
- Said E. W. Orientalism: Western Conceptions of the Orient. Moscow: Russkiy Mir, 2006. 636 p. (In Russ.)
- Schimmelpenninck van der Oye D. Russian Orientalism: Asia in the Russian Mind from Peter the Great to the Emigration. P. Bavin (transl.). Moscow: Poligraficheskaya Entsiklopediya, 2019. 287 p. (In Russ.)
- Velichko L. N. The Armenian question in the context of Russian eastern politics in the XIX–XX centuries. *Bulletin of Kalmyk University*. 2021. No. 4. Pp. 6–15. (In Russ.)
- Velichko L. N., Ambartsumyan K. R. The Caucasian factor and Imperial Russia’s position in the Armenian question: Late 19th and early 20th centuries. In: Matishov G. G. (ed.) *Peoples of the Caucasus in the 18th–21st Centuries: History, Policy, Culture. Forum proceedings. In 2 parts. Pt. 2*. Pyatigorsk, Rostov-on-Don: Southern Scientific Center (RAS), 2021. Pp. 28–34. (In Russ.)
- Vorontsov-Dashkov I. I. Eight Years as Governor of the Caucasus: Most Humble Report by Adjutant General Count [Illarion Ivanovich] Vorontsov-Dashkov. St. Petersburg: State Publ. House, 1913. 36 p. (In Russ.)

